
Брюсов В. Я. Огненный ангел (Сост., вступ. ст., коммент. С. П. Ильёва)
М.: Высш. шк., 1993. - (Б-ка студента-словесника).
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

В очень широком кругу интересов Брюсова видное место занимала немецкая культура. Брюсов охотно переводил немецких поэтов XVIII-XX вв. Его внимание привлекали и эпоха Просвещения (Гёте, Шиллер), и романтизм (Ленау, Уланд), и поэты новейшего времени (Стефан Георге, Рихард Демель). Среди переводов Брюсова встречаем мы и такое монументальное творение, как гётевский "Фауст".

Но был в истории немецкой культуры (собственно, не литературы, а именно культуры) период, к которому Брюсов питал особое пристрастие как ученый, романист и поэт. Это - XVI век.

Брюсова всегда чрезвычайно привлекали переломные эпохи, когда "из разрушенья творились токи новых сил" ("Мир электрона"), новое вступало в ожесточенную схватку со старым, привычные формы жизни давали глубокие трещины и наступали "минуты роковые", о которых столь проникновенно писал Тютчев. Немецкий XVI век, бесспорно, принадлежит к числу наиболее драматических и противоречивых эпох европейской истории. Именно в Германии в начале XVI века началась Реформация, которую Ф. Энгельс рассматривает как первую в Европе буржуазную революцию "с крестьянской войной в качестве критического эпизода" {Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 147.}. Мартин Лютер потряс самые основы духовной гегемонии католического престола, но он же, напуганный размахом народного движения, превратился в душевателя свободной гуманистической мысли. Германия была родиной выдающегося врача и естествоиспытателя Теофраста Парацельса, который, по словам французского философа XVI века П. Рамуса, "глубоко проник в недра природы", и знаменитого авантюриста, знатока "тайных наук" Агриппы Неттестеймского. И хотя немецкий гуманизм не смог устоять перед натиском феодально-католической и бюргерской реакции, в Германии в XVI веке возникла легенда о Фаусте, овеянная духом революционных исканий эпохи Возрождения.

Брюсова, несомненно, многое привлекало в немецком XVI веке. Этот интерес возник еще до его поездки в Германию, но особенно отчетливо он определился после крушения русской революции 1905 года: исторические и психологические параллели напрашивались сами собой.

Среди ярких фигур немецкого Возрождения Брюсов особое внимание обратил на Корнелия Агриппу Неттестеймского (1486-1535), человека своеобразного склада и своеобразной судьбы, о котором, после того как Ф. Рабле осмеял его под именем герр Триппа ("Гаргантюа и Пантагрюэль", кн. III, гл. 25), почти всегда говорили с насмешкой, либо просто игнорировали его существование. Брюсов изобразил Агриппу в романе "Огненный ангел" (1907-1908), а также написал о нем ряд статей. Первые статьи появились в журнале "Русская мысль" за 1911 год, книга II ("Агриппа Неттестеймский"), и в "Новом энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона, т. I, Спб. (1913). Три статьи: "Оклеветанный ученый" (перепечатка с некоторыми сокращениями статьи из "Русской мысли"), "Легенда о Агриппе" и "Сочинения Агриппы и источники его биографии" - приложены к критико-биографическому очерку Жозефа Орсье "Агриппа Неттестеймский. Знаменитый авантюрист XVI в.". Перевод Брониславы Рунт. Под редакцией, с введением и примечаниями Валерия Брюсова, Москва, изд. "Мусагет", 1913.

Интересно отметить, что впервые русский читатель ознакомился с Агриппой на исходе XVIII века. Тогда увидело свет его язвительное "Рассуждение о монашеской жизни", перевод с латинского (Л. М. Максимовича), М., 1783, а год спустя появился трактат Агриппы "О благородстве и преимуществе женского пола", переведенный под руководством Московского Архангельского собора протоиерея Петра Алексеева, Спб., 1784. Публикация этой оригинальной книги вызвала неудовольствие Екатерины II {Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. I. М., 1962. С. 24.}. В дальнейшем к литературному наследию Агриппы никто уже с серьезными целями не обращался, и только Брюсов поведал русским читателям об этом забытом и оклеветанном мыслителе и ученом. Впрочем, Брюсову, видимо, не были известны эти старинные русские переводы из Агриппы, поскольку он нигде их не упоминает.

В Агриппе Брюсов видел не только знатока "сокровенной философии",